

СОЦИОЛОГ И ЕГО ПАРАДОКСЫ (ИНТЕРВЬЮ Ю.М. РЕЗНИКА С ЧЛ.-КОРР. РАН Ж.Т. ТОЩЕНКО, МОСКВА, 9 ИЮЛЯ 2009 г.)

Ю.М. Резник: Уважаемый Жан Терентьевич! Наше первое знакомство состоялось, как это принято теперь считать, в годы перестройки и, на мой взгляд, успешно переросло в добрые отношения.

Вы принимаете участие в жизни редакции, на протяжении многих лет поддерживаете наш журнал, можно сказать, практически с момента его появления, за что Вам особая благодарность. Хотелось бы задать Вам несколько вопросов, относящихся к Вашей основной деятельности — социологии, а также к ее «парадоксальности».

О созидании и самоактуализации

Ю.М.: Жан Терентьевич! Маслоу считал одной из важнейших потребностей человека потребность в самоактуализации. В какой мере Вам удалось реализовать эту потребность и выполнить свое предназначение на профессиональном поприще?

Ж.Т.: Начну с юности. Заканчивая среднюю школу, я не знал ничего про социологию, ни даже про то, что есть такая профессия. Но я точно знал, что хочу посвящать свою жизнь служению людям, строительству нового общества, за что так ратовали мои родители — сельские учителя и за что погиб мой отец, будучи комиссаром одного из формирующихся партизанских отрядов в 1941 году на Брянщине. И несмотря на мои блестящие успехи в математике (я был призером ряда математических олимпиад) и к огорчению моей учительницы по математике Александры Федоровны Юрченко, я поступил на исторический факультет Московского университета. Вот это был первый в жизни парадокс, который я, конечно, еще не осознавал: быть по способностям (вероятно, и по призванию) математиком, а стать обществоведом. Я искренне считал, что история, в частности история СССР и КПСС, — это тот предмет, который мне поможет в будущей профессиональной деятельности — участвовать в строительстве нового общества. Именно поэтому я не только не чурался общественной работы, а искренне участвовал во всех мероприятиях, будучи комсоргом, членом курсового и факультетского комитета комсомола. И вполне логично, что после окончания МГУ, будучи сталинским (ленинским) стипендиатом и имея все основания остаться в аспирантуре (это еще один мой парадоксальный поступок), я по комсомольской путевке уехал на стройки в Красноярский край, где начал свою биографию на строительстве железной дороги Абакан–Тайшет. Затем была комсомольская работа в Хакасской автономной области, а затем — в Красноярске. Но именно эти годы сформировали меня как социолога, так как с первых

дней работы, а в дальнейшем и при посещении комсомольскихстроек, меня постоянно мучили вопросы: «Почему не решаются социальные проблемы молодежи?», «Почему нет условий для продолжения учебы?», «Почему нигде удовлетворить свои духовные потребности?», «Почему в течение многих лет молодые люди ютятся по балкам (временкам), по баракам, а нередко и в палатках?» И я решил искать ответы на эти вопросы вне партийных структур (а моя партийная карьера вполне была возможна, так как уже в 25 лет я был избран первым секретарем Хакасского обкома ВЛКСМ, что было большим достижением в политической биографии) и стал научным работником. Это еще один мой жизненный парадокс. К этому времени (начало 1960-х гг.) всерьез заговорили о конкретных социологических исследованиях. Помог этому и субъективный фактор: после поступления в Академию общественных наук при ЦК КПСС на вновь создаваемую кафедру научного коммунизма с социологической лабораторией во главе с одним из первых исследователей СМИ И. Петровым меня пригласил академик, ректор академии Г.П. Францев.

Из всего этого пространного экскурса в свою судьбу я давно сделал вывод: мое становление как личности, моя самореализация состоялись через парадоксальные поступки. Хотя эта самореализация и самоактуализация проходили под мощным воздействием как самой жизни, так и сопутствующих той или иной ситуации обстоятельств.

Ю.М.: Вами написано множество книг, в т.ч. по общей социологии, социальному планированию и управлению, всех не перечислишь. Какую из них Вы считаете не очень удачной, какую – своей наиболее успешной работой, получившей общее признание коллег и читателей, а какую – самой любимой книгой, в которой Вам удалось выразить себя и свое миропонимание?

Ж.Т.: На первом этапе, когда я, будучи университетским преподавателем в Красноярском университете, фактически был заводским социологом, я много сил положил для изучения реальных социальных проблем производства. Мои исследования на Красноярском алюминиевом заводе, в Главкрасноярскстрое подтолкнули меня к разработке таких проблем, которые имели одновременно и научное, и практическое значение. И хотя я находился под большим влиянием ленинградской школы социологов по проблемам социального планирования (В.Р. Полозов, Б.Я. Рященко, А.С. Пашков), мне удалось внести в эту концепцию свое понимание этих проблем. Именно под влиянием исследований реальной социальной ситуации на промышленных предприятиях Сибири я подготовил и издал в 1972 г. первую в стране монографию (подчеркиваю, не статью – их было много у разных авторов, в том числе и у моих ленинградских учителей, а именно монографию) по социальному планированию. Анализ производственных ситуаций, сопутствующих социальному планированию, привел меня к необходимости изучить еще одну жизненно подсказанную проблему, которая нашла отражение в первой (не считите за нескромность, но тоже самой первой в социологии по своему замыслу) монографии «Социальная инфраструктура: сущность и пути развития» (1980). До этого о данной проблеме писали только экономисты и географы. Исследуя становление новых производственных коллективов (а их в то время создались сотни), я не мог пройти мимо того факта, что они почти всегда возникали без должной научной проработки, лишь по решению соответствующих ведомств, что приводило к колоссальным издержкам производства.

Почему это происходит? Что следует сделать, чтобы изменить ситуацию? Ответить на эти вопросы я попытался в монографии «Социальное проектирование» (в соавторстве с Н.И. Лапиным и Н.А. Аитовым, 1983). Именно этот этап моей «заводской» биографии был ответом на волнующие меня вопросы, которые привели как к научным, так и прикладным выводам. Кстати, этой проблематике я остался верен всю последующую жизнь: продолжал встречаться с заводскими социологами, выступать на всех «производственных» конференциях, публиковаться; в течение 16 лет был членом исследовательского комитета по социологии труда Международной социологической ассоциации. Итогом этой многолетней причастности к социальным проблемам производства стал выход в 2005 г. монографии «Социология труда: опыт нового прочтения» (2005), которая затем была переработана в учебник (2007).

В 1975 г. произошел следующий крутой поворот в моей жизни: меня бросили на разработку идеологических проблем, что случилось при переводе на работу в Академию общественных наук при ЦК КПСС. Как сказал ректор Академии В.А. Медведев в ответ на мое замечание относительно того, что до этого я не занимался этими проблемами: «Это хорошо, что не занимался. Имея производственную базу, вы сможете посмотреть другими глазами на эту сферу деятельности и скажите что-то иное». И погрузившись в работу, я очень скоро засомневался в том, что идеологию надо рассматривать как процесс функционирования партучебы, экономического просвещения, пропаганды и агитации. Конечно, в пересмотре моих взглядов огромную роль сыграли мои производственные исследования. Я постепенно убедил своих коллег (но не отдел пропаганды ЦК КПСС), что заниматься надо тем, что составляет базу, основу для идеологической деятельности. А это, на мой взгляд, было общественное сознание, т.е. знание о мотивах, ценностях, установках, потребностях людей.

Поэтому в 1980-е гг. под моим руководством были проведены всесоюзные исследования по экономическому, политическому, нравственному сознанию, по исторической памяти людей. И мы получили удивительные результаты — ответы на вопросы «Что волнует людей?», «Что они принимают в советской действительности?», «Что отвергают?», «К чему стремятся?», «Чего желают?» Именно на это должна была, на мой взгляд, ответить вся партийная, в том числе и идеологическая, работа. Но такой подход или совсем отвергался, или учитывался в основном при произнесении речей. Этот поиск для меня не прошел бесследно: ему были посвящены мои монографии «Идеология и жизнь» (1994), «Идеологические отношения (Опыт социологического анализа)» (1987), «Общественное сознание и перестройка» (в соавторстве с В. Бойковым и В. Ивановым) (1990).

Анализ общественного сознания, его состояния, проблем развития и функционирования привел меня к выявлению парадоксов: почему человек может одновременно, причем искренне, придерживаться взаимоисключающих позиций. Первые статьи о парадоксах появились у меня в конце 1980-х гг. и вылились в монографию «Парадоксальный человек», которая была издана в 2000 г. и переиздана в 2008 г. как привлекающая внимание и вызвавшая большой интерес в нашем социологическом (и не только) сообществе. В процессе работы над этой проблемой я вышел на проблемы этнонационального сознания и поведения в связи со вспышками проявления различных форм национализма, суверенитетов, образованием новых независимых государств. И этот тип сознания — этническое, национальное — стал активно использоваться как политическое оружие, которое привело к появлению новых пре-

тендентов на власть, избравших этот феномен для реализации своих амбициозных планов, для закрепления своих позиций во властных структурах.

И это нашло отражение в монографии «Этнократия: история и современность» (2003). А занимаясь этими проблемами, я не мог не обратить внимания еще на один феномен, который сопровождал этнонациональное самосознание, — влияние клерикализма и его претензии на политическую власть, а также на стремление политической власти опереться на церковь. Удивительное возрождение религиозных чувств сопровождалось не менее удивительными претензиями иерархов всех видов церквей на участие в решении государственных дел. Эти перипетии рассмотрены мною в монографии «Теократия: фантом или реальность?» (2007).

Поэтому мне трудно ответить на Ваш вопрос о более удачных или менее удачных книгах. Ни от одной из них я не могу отказаться или стесняться того, что я создал ее. Все они были тесно вплетены в ту реальность, которая окружала меня, мое поколение, людей, которые жили в своем Отечестве. При этом я могу сказать, что наиболее фундаментальны все-таки мои последние работы, связанные с парадоксами, кентавр-проблемами и фантомами общественного сознания. Но это в значительной степени потому, что данные работы впитали в себя не только осмысление новых проблем, но в какой-то мере вобрали весь мой предшествующий опыт познания.

Ю.М.: *Что в теоретическом смысле Вам удалось сделать в социологии? Какие открытия и концептуальные решения Вы бы хотели назвать прежде всего?*

Ж.Т.: Во-первых, я хотел бы назвать новаторское объяснение предмета социологии, что впервые было реализовано мною еще в 1990 г. в статье «Возможна ли новая парадигма социологического знания?» (СОЦИС. 1990, № 7). Затем этот подход был более обстоятельно развит и аргументирован в моем учебнике «Социология», который вышел первым изданием в 1994 г., а последним — в 2005 г. Участие и организация всесоюзных и всероссийских исследований постепенно привели меня к выводу, что движущими силами общественной (и любой другой) жизни являются осознание людьми окружающей их реальности, познание, понимание и восприятие всех ее проявлений, попытки реализации этого сознания в поведении, деятельности.

И конечно, не ушел от моего внимания тот факт, что сознание и поведение людей в значительной степени зависят от условий жизни: макросреды (т.е. от условий, которые складываются на уровне всего общества, где человек выступает как гражданин этого общества); от мезосреды (т.е. тех условий, которые определяют его позицию как жителя конкретного города, села) и, наконец, от микроусловий (т.е. когда человек выступает как член определенных структур и сообществ в непосредственно окружающей его среде). После того как я определился с такой трактовкой предмета социологии, я задался вопросом: а как назвать выдвинутую мной концепцию (парадигму), которая отрицала социологический реализм (ставящий во главу угла анализ общества) и социологический номинализм (ставящий во главу угла только человека).

Я постепенно пришел к выводу, что моя концепция вписывается в рамки социологического конструктивизма, который стал себя проявлять особенно интенсивно в конце XX — начале XXI в. Эти размышления и раздумья привели меня к выводу, что мою концепцию можно назвать *социологией жизни*. К этому выводу я шел также через знакомство с трудами как зарубежных (Жан Гийо), так и отечественных исследователей (Ю.М. Резник). Меня, как и их, не устраивала трактовка социологии как науки об обществе. Как слишком общее, предельно широкое объяснение, тем более

что обществом как таковым занимаются и социальная философия, и история, и экономика, и другие социальные и гуманитарные науки. Но мое объяснение социологии жизни было не похожем ни на Гийо, ни на Резника. Я трактую социологию как науку о реальном общественном сознании и поведении людей в конкретных социально-экономических условиях.

Наряду с этой определяющей идеей, хочу сказать, были и многие другие, которые вошли в отечественную социологическую литературу после издания моих первых монографий по вышеупомянутым темам — социальному планированию, социальной инфраструктуре, социальному проектированию.

И наконец, это идеи о таких новых явлениях в общественном сознании и социальной практике, как парадоксы, которыми я занимаюсь последние двадцать лет. Но об этом подробнее расскажу, когда буду отвечать на Ваши другие вопросы.

Ю.М.: *Какие из проведенных Вами социологических исследований и проектов Вы цените больше всего? Удовлетворены ли Вы в целом своей научной работой?*

Ж.Т.: Наиболее значительными эмпирическими исследованиями я считаю серию всесоюзных исследований видов и форм общественного сознания, проведенных в 1985—1992 гг., которые дали мне прекрасную пищу для окончательного вывода о предмете социологии, привели к необходимости по-иному посмотреть на общественное сознание и помогли выявить парадоксы. Особенно хотелось бы сказать о последнем.

Проводя свои исследования, анализируя данные своих коллег, я столкнулся с удивительным фактом: люди могли одновременно, искренне (подчеркиваю — искренне) исповедовать взаимоисключающие ориентации, ни в коей мере не чувствуя это противоречие. То есть в одной ситуации человек мог быть социалистом, в другой — либералом, в третьей — националистом или даже монархистом и т.д. То, что в человеке сочетались взаимоисключающие установки, особенно проявилось и усилилось во время перестройки, а затем и в постперестроечный период. Превращать людей в одномерных существ, как делают большинство политических партий и некоторые ученые, заведомо абсурдно: надо понимать всю сложность их сознания, их поведения, противоречивость их жизненных позиций. На мой взгляд, такой подход серьезно обогащает наши представления об общественном сознании, об истинных причинах и мотивах поступков людей.

Что касается удовлетворенности сделанным, то отвечу вопросом на вопрос: «Разве может кто-то из ученых говорить об этом чувстве?» Ведь всегда остается понимание, что, возможно, что-то можно было сделать по-иному, усилить инструменты познания, опробовать другие варианты. Но в то же время ни разу у меня не возникало чувства, что это было ошибкой или тем, чего следует стыдиться. Сделать по-иному — это да, отвергать сделанное — нет, хотя можно говорить о несовершенном, упущенном, не увиденном.

Ю.М.: *Журнал «Социологические исследования» Вы возглавляете уже свыше 15 лет. За этот период журнал не только сохранил свой авторитет среди социологической общественности, но и приобрел новую читательскую аудиторию, расширил круг авторов. В нем регулярно публикуются актуальные статьи и дискуссионные материалы, допускающие критику научных позиций, в том числе точки зрения самого главного редактора. Что Вам как главному редактору удалось сделать за эти годы в плане усиления научного уровня и качества публикуемых статей и материалов?*

Ж.Т.: Моя работа как главного редактора академического журнала была в постоянном поиске.

Первое, что нужно было сделать, — это упорядочить видение социологического знания в виде логически оправданной его структуры. Это было недеклалируемое воздействие и на процесс преподавания, и на обучение молодежи, решившей стать профессиональными социологами. Посмотрите на структуру каждого номера, но особенно на указатель статей по итогам года (в каждом ежегодном № 12), и вы увидите определенную структуру социологии как науки.

Второе: мы отказались от традиционной рубрики «Социология за рубежом» и стали публиковать материалы наших коллег по тем разделам, по которым они написали статью, наряду с отечественными исследователями.

Третье: мы решили открыть специальную рубрику «Первые шаги» (сначала было предложение назвать ее «Успешный дебют»), где мы стали публиковать заслуживающие внимания поисковые работы, подготовленные молодыми исследователями, аспирантами и даже студентами.

Четвертое: мы решили обучать методологической и методической культуре наших авторов и читателей. Ведь низкая культура описания просто поражает. Для этого, посоветовавшись с нами «ассами» — Ядовым, Татаровой, Толстой, Масловой и др. — мы стали через номер публиковать на второй странице обложки требования, которые должны соблюдаться в каждом материале. И наконец, мы каждый год публично раскрываем концепцию нашей редакционной политики. Каждый год в № 1 я пишу обращение к читателю, в котором подвожу итоги прошедшего года и формулирую цели, которых мы хотели бы достичь в будущем году. Кроме того, вот уже 12 лет мы проводим ежегодные Харчевские чтения (в память первого редактора журнала А.Г. Харчева), на которых на обсуждение мы выносим важные теоретико-методологические проблемы.

В заключение хочу сказать еще об одном моменте. Мы пытаемся консолидировать общество «коллег-журналов» вместе с журналом «Культура. Общество. Личность». Что касается нас, то один раз в квартал мы публикуем «Журнальный гид», в котором сообщаем о том, что напечатали наши коллеги по социологической тематике, чем, на наш взгляд, помогаем ориентироваться нашим читателям в море публикаций.

Ю.М.: *Вы не только известный ученый, главный редактор академического журнала, но и руководитель факультета социологии Российского государственного гуманитарного университета. Что Вы считаете своей личной заслугой в организации учебного процесса и научно-исследовательской работы на факультете? Удалось ли Вам собрать на факультете профессиональный преподавательский состав, способный обеспечить высокий уровень образовательной подготовки студентов и аспирантов?*

Ж.Т.: В 1995г я был приглашен ректором РГГУ Ю.Н. Афанасьевым для организации социологического факультета. Так как я имел значительный опыт преподавания в Красноярском университете, в МГУ, в Академии общественных наук, то после некоторых колебаний (а стоит ли от научной работы возвращаться к преподавательской?) дал согласие. Традиционно я начинал в рамках философского факультета, сначала в виде кафедры, затем отделения, а через четыре года состоялось превращение этой структуры в самостоятельный факультет. На мой взгляд, на факультете собралась хорошая команда: профессор В.В. Щербина —

один из основных специалистов по социологии организаций, В.Ф. Левичева – исследователь проблем молодежи, Е.А. Гришина – эксперт по методологии и методике социологических исследований, С.Н. Майорова-Щеглова – специалист по проблемам детства и подросткового возраста, В.В. Солодников – специалист по проблемам семьи, и др. В общем на факультете трудятся почти 50 преподавателей, некоторые из них, как Г.Г. Татарова, Н.В. Романовский, Л.Ф. Адилова, являются нашими совместителями. Радуют меня и молодые преподаватели – профессор Н.М. Великая, доценты М.С. Цапко, А.В. Стрельникова. А.Б. Росляков, А.П. Хриенко.

Косвенным показателем авторитета нашего факультета стал постоянно растущий конкурс: в прошлом году он составлял в зависимости от специализации от 18 до 20 человек на одно место. Мы ежегодно проводим международные конференции, ежегодные студенческие конференции, регулярные встречи с коллегами из Польши, Швейцарии, Канады, Великобритании.

Ю.М.: *Есть ли у Вас ученики, аспиранты и докторанты, которые продолжили Вашу научную деятельность, внесли новые положения в Вашу концепцию? Кто они и где трудятся в настоящее время?*

Ж.Т.: На сегодняшний день среди моих учеников 18 докторов и 53 кандидата наук. Пути многих из них различны. Среди докторов наук, которые в той или иной степени продолжают мои идеи и развивают собственное понимание социальной реальности, можно назвать: Л.Л. Шпак – заведующую кафедрой Кемеровского университета, В.Э. Бойкова – руководителя Социологического центра Российской академии государственной службы при Президенте РФ, Ф.Г. Зиятдинову – видного общественного и научного деятеля Татарстана, Г.А. Цветкову – профессора РГГУ, а также молодых последователей – Н.Д. Шутенко, Н.Н. Могутнову, Т.В. Стародубцеву, И.В. Матасову. Они успешно сочетают преподавательскую работу с работой в коммерческих структурах.

Возможно, для Вас будет интересно знать, что моими аспирантами были Г.А. Зюганов, один из самых способных учеников, К.М. Чернов – Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, А.Ф. Кононыгин – многолетний редактор «Орловской правды», и ряд других общественных деятелей.

Ю.М.: *Ваши любимые занятия в свободное от работы время? Какому виду досуга и отдыха Вы отдаете предпочтение?*

Ж.Т.: За всю свою сознательную жизнь я всего два раза отдыхал «культурно» – на курорте. Все остальные отпуска я проводил в тайге, на лоне природы, в турпоездках. Особый период в моей жизни был тогда, когда мы с сыновьями (пока они были маленькими и школьниками) проводили отдых где-нибудь на реке, где-то в лесу. Мы вместе изъездили весь центр России: не только Московскую, но и Владимирскую, Орловскую, Калужскую и Брянскую области. И сейчас я в той или иной мере пытаюсь придерживаться этих традиций.

Ю.М.: *Что Вас больше всего беспокоит в организации своего времени: нехватка времени на творческую работу? нехватка времени и сил на активный отдых и спорт? дисбаланс времени в сторону текущей работы? нерациональное использование рабочего или свободного времени? Что еще?*

Ж.Т.: В Ваших подсказках для меня важно первое и третье – нехватка времени и большие, чем надо было бы, затраты на текущую работу.

О парадоксальности отечественной социологии

Ю.М.: *Жан Терентьевич! Ваши научные интересы и профессиональная деятельность вот уже на протяжении нескольких десятилетий связаны с социологией. Вы писали о парадоксальном человеке, но ведь и социология во многом является таковой по своему статусу и мировосприятию. Согласны ли Вы с этим?*

Ж.Т.: Я уже писал о некоторых парадоксах, присущих современной отечественной социологии. Один из них — лукавство многих моих коллег. С одной стороны, они рассуждают об обществе, о законах его развития и функционирования, с другой — напрочь отвлекаются (или даже отрекаются) от этих деклараций и в реальной исследовательской практике оперируют понятиями, которые входят в общественное сознание (знание, информация, мнение, мотивы, ценностные ориентации, установки и т.д.), в поведение (акты, поступки, действия), а также в представления о различных уровнях социальной среды.

Не нравятся мне и непрекращающиеся претензии объявить социологию метанаукой по отношению к другим социальным наукам или, по крайней мере, объявить ее ведущей наукой, задающей тон, направления и методы решения всех общественных проблем. Если эти заявления звучат от начинающих исследователей, то это можно понять и простить. Но если это звучит от других лиц, то тут непонятно как вообще трактовать такие заявления — то ли как недостаток ума, то ли как дикий непрофессионализм.

Ю.М.: *Один из парадоксов социологии состоит в несоответствии ее предмета изучаемой социальной реальности. Ведь социология изучает не общество, как таковое, а картину этого общества, формируя представления о нем, его противоречиях и законах развития. Так ли это?*

Ж.Т.: В широком смысле слова мы изучаем социальную реальность, которая складывается из действий и взаимодействий людей, которые, в свою очередь руководствуются тем, *что* и *как* они познали окружающий мир, как они к нему относятся, чего ждут от него, как пытаются его преобразовывать. Поэтому общество познается не через умствования неких интеллектуалов, а через познание, за которым стоит человечество, а более конкретно — народы, социальные группы и социальные организации, сами люди. Мне также кажется, что законы развития, скорее всего, относятся к природе, а по отношению к обществу более уместно говорить о тенденциях, которые символизируют огромное количество трендов, проявляющих себя в стохастических изменениях, многие из которых кратковременны, неустойчивы, подвержены огромному количеству случайностей.

Ю.М.: *Второй парадокс социологии, по крайней мере отечественной, заключается в том, что ее предметная область постепенно размывается, подвергаясь экспансии со стороны других научных дисциплин — экономики, культурологии, политологии и пр. Традиционный для нее институциональный подход сегодня эксплуатируется представителями экономической науки (например, в рамках школы неинституционализма), а сами социологи становятся аутсайдерами на своем собственном дисциплинарном поле. Что Вы думаете по этому поводу?*

Ж.Т.: В работе со студентами и аспирантами я иногда использую такой прием: беру статью какого-то автора, провозглашающего себя социологом (но об этом я не говорю ученикам), зачитываю главные постулаты этой статьи и предлагаю определить, кто автор по специальности, в рамках какой науки статья написана. А так как я для экзамена беру статьи, в которых я сам сомневаюсь, что они социологические, то

практически я всегда слышу перечень многих наук, кроме социологии. Это меня очень тревожит, так как под социологией пытаются понимать или выдать за нее все, что написано всеми обществоведами. И это характерно не только для отечественной социологии. Посмотрите материалы любого международного конгресса, научной конференции, и вы увидите нечто подобное. Это опасная тенденция, которая приводит к тому, что наша наука теряет определенность. Становится приемлемым то, что раз есть рассуждения об обществе, об общественных проблемах — то это, мол, и есть социология.

Ю.М.: *Третий парадокс определяется существующим разрывом между фундаментальной теорией и прикладными исследованиями в социологии. Складывается впечатление, что эти сферы единого социологического знания существуют как бы сами по себе. Теории, заимствованные в основном из западных источников, практически никак не связаны с выводами, получаемыми в ходе исследований. Неужели период «детских болезней» отечественной социологии затянулся так надолго?*

Ж.Т.: Я неоднократно писал в своих обращениях к читателю (в каждом первом номере ежегодно), что одним из парадоксов современной социологии является разрыв между теоретическими и прикладными исследованиями. Очень типична следующая картина: в «теоретических» статьях преобладают некие умозаключения, которые никак не связаны с «грешной» практикой, а так называемые эмпирические исследования полны цифири, без элементарных попыток увидеть за ними некие обобщенные представления о социальной реальности. То есть нарушается один из важнейших девизов Римского клуба: мыслить глобально, действовать локально. Вот и получается, что первого рода статьи сосредоточены на глобальном видении, в результате чего в них появляются суждения весьма сомнительного свойства, например что мы не занимаемся «хорошим обществом». Во второго типа статьях авторы действуют «локально», описывая только эмпирические данные, в результате чего появляются, например, материалы в виде внешне обстоятельных таблиц, гистограмм и диаграмм, при помощи которых доказывается, что те, кто болеет, чаще обращаются к врачам и чаще покупают лекарства.

Ю.М.: *Еще один парадокс состоит в том, что рост учебников по социологии значительно превышает число социологических исследований. Сами же учебники напоминают в большей степени глоссарии и словари, чем свод основных положений данной науки, иллюстрированных материалами эмпирических исследований. В них описываются реалии западных обществ, а не российского общества. Чем Вы объясните этот парадокс?*

Ж.Т.: Я согласен с Вашим утверждением. Действительно, учебников масса, которые к тому же нередко написаны людьми, никак не проявившими себя в социологическом сообществе. В результате все они а) похожи друг на друга с небольшими вариациями; б) многие из них представляют слегка видоизмененную кальку западных учебников; в) часть из них представляет стихийную свалку тем и проблем, самих по себе важных, но непонятно, почему и по какой логике подобранных. К этому стоит добавить и политику коммерческих издательств, для которых издание учебной литературы всегда было и остается лакомым куском.

Социологи и социологическое сообщество как парадоксальные субъекты

Ю.М.: *Жан Терентьевич! Парадоксом является не только социология, но и люди, работающие в ней. В своей книге Вы выделяете разные виды парадоксальных людей, но*

обходите стороной науку. Но вот анализируемые Вами типы парадоксов вполне уместно применить и к изучению социологов и социологического сообщества. В книге приводится богатый иллюстративный материал. Ведь социолог использует в своей научной практике и мифы, и стереотипы, и кентавр-проблемы, и манипулирование общественным мнением. Не так ли?

Ж.Т.: Я не являюсь первооткрывателем парадоксов (о них в свое время прекрасно писал известный естествоиспытатель и философ Паскаль), кентавр-проблем (о них много говорится не только в легендах, в мифах, но и во многих науках, например в физике, где Луи де Бройль, а затем Н. Бор объяснили поведение нейтрона как волны-частицы – что с точки зрения классической физики является абсурдом) и стереотипов (о которых впервые написал на основе анализа расовых предрассудков американский ученый У. Липпман). Я применил эти категории и понятия к анализу социальной реальности, что до меня практически никто не делал. Конечно, многие социологи описывают и анализируют эти явления, но не всегда используют эти понятия. А увидеть в сплошной полосе разнородных явлений нечто особое, специфическое, не всегда выявленное, незаметное – вот в чем задача каждого исследователя, в том числе и социолога, чтобы не превратиться в постоянно повторяющегося то, что известно и без него.

Ю.М.: Как Вы считаете, социологи России разделены сегодня по клановому или элитарному признаку? Согласны ли Вы с тем, что социологическое сообщество дифференцировано на кланы, которые возглавляют известные лидеры нашей науки? Что же представляет собой наша социологическая элита? Кто входит в нее и по каким критериям?

Ж.Т.: Прежде всего я не признаю термина «элита» ни к применению ни к политическому, ни экономическому и ни к какому другому сообществу. В «Парадоксальном человеке» я пишу, что анализ тех групп, которые претендуют на название «элиты», показывает, что их лучше именовать «кланами», «кастами», «кликадами». К сожалению, социологическое общество также дифференцировано (существует пять социологических сообществ, ассоциаций, союзов, которые делят единое поле социологии между собой). И если этот раздел может быть в какой-то мере реализован в Москве, то в республиканских, областных городах, где социологов можно по пальцам перечесть, такая чересполосица абсолютно абсурдна.

Хочется высказать еще одно замечание. Разномыслие – это вполне закономерное явление. И то, что и в социологическом сообществе имеются различные точки зрения, меня не удивляет. Только пусть это разное понимание социальной реальности не превращается в поле битвы. Я все же верю в такое образное выражение, которое сказал А. Герцен, анализируя взаимоотношения западников и славянофилов: «Головы их смотрели в разные стороны, а сердце было одно».

Поэтому те ученые, которые определяют лицо российской социологии, являются лидерами по результатам своих трудов, а не по тому, к какой группе или сообществу они принадлежат. В этом отношении я верю в силу некоей научной солидарности, которая по незримым, но ощутимым эталонам отбирает из всего потока произведенной литературы то, что в самом деле относится к науке, а не к неким официальным или саморекламным выводам (см. статью В.В. Соколова «Российские социологи на международном и национальном рынке идей» в № 1 (2009) журнала «СОЦИС»).

Современная социология имеет за плечами еще мало истории, поэтому сказать, что кто-то выживет из всей литературы по социологии, представим самому време-

ни. В этом отношении для нас может служить примером судьба имен, еще недавно гремевших среди философов, — Константинова, Митина, Юдина, Федосеева и подобных деятелей. Найдите сейчас тех, кто ссылается или хотя бы упоминает эти имена. А ведь они определяли лицо науки, их труды переиздавались, о них славословили, их регулярно упоминали в печати. Но зато продолжают жить имена Лосева, Мамардашвили, Ильенкова, Зиновьева, личная судьба которых складывалась непросто, но зато их трудам гарантирована вечность, по крайней мере в истории философии и социологии.

Поэтому давайте определение лидерства в науке предоставим времени: оно не ошибается.

Ю.М.: *Парадоксальной мне представляется ситуация, сложившаяся в социологическом отряде академического сообщества. В нем явно выделяется официальная часть (формальная элита) и группа неформальных лидеров социологии. Почему признанные большинством социологической общественности специалисты, например В.А. Ядов, не вошли в круг академиков и членов-корреспондентов нашей академии?*

Ж.Т.: В известной мере этот вопрос — продолжение предыдущего. Время определяет тех, кто в самом деле сделал многое в социологии, хотя это сделанное не всегда в свое время приветствовалась. Я не буду говорить о живущих, а скажу о тех, кто ушел от нас, но оставил память благодаря своим трудам. Назову некоторых из них. Это — Ю.А. Левада, Б.А. Грушин, Л.Н. Коган, Н.А. Аитов, А.Г. Здравомыслов и совсем недавно покинувший этот мир М.Н. Руткевич. И к каждому из них по-разному относились, по-разному судили об их делах. Но, несомненно, одно — их произведения, их наследие привлекают и будут привлекать внимание всех тех, кто хочет познать историю отечественной социологии. А избрание или неизбрание в состав Академии наук имеет не всегда и не только научные основания. Об этом пестрят сообщения в СМИ каждый раз, когда происходят выборы в академию.

Ю.М.: *Следующий парадокс связан с девальвацией профессиональных ценностей в социологическом сообществе России. С каждым годом у нас все больше становится социологов, множится число кандидатов и докторов наук, но количество профессионалов катастрофически уменьшается. В каждой отрасли социологического знания их фактически можно посчитать на пальцах. Чем Вы объясняете дефицит профессионалов и профессионализма в отечественной социологии?*

Ж.Т.: С профессионализмом у нас в самом деле дела обстоят туго. Быть профессионалом — это годы тяжелого труда, это процесс постоянного совершенствования своих навыков, это процесс упорных размышлений, это мучительный поиск истины, это находки и озарения, которые возможны в нашей науке после многих упорных усилий. К сожалению, социология приобрела облик науки, куда можно скрыться всем, кто потерпел неудачу в своей области знаний. Вот характерная на данное время ситуация. После жесткой критики в адрес педагогических наук (у них защиты составляли до 40% всех гуманитарных и социальных наук) педагоги ринулись в социологию, особенно в социологию образования: ведь они тоже занимаются социализацией будущей личности. Совсем недавно мне пришлось быть причастным к докторской диссертации, подготовленной педагогом, но в этой ситуации решившей стать социологом. В автореферате я не встретил ни одной фамилии социологов, занимающихся этой проблемой, но зато полным-полно было ссылок на тех, кто числился в обойме педагогических знаний. В ВАКе эту работу долго рассматривали, а

потом все же приняли положительное решение: мол, преклонный возраст, многолетняя безупречная работа в вузе, отзывы как о порядочном человеке, ходатайство различных опекунов. Так как Вы думаете, можно в этой ситуации ждать от этого утвержденного доктора наук качества? И не только от нее, но и от тех учеников, которые попадут под его опеку?

Еще один порок: в социологию пошло много чиновников, которым эти степени нужны для карьеры, для страховки. И вот уже имеются реальные данные: вчерашнего бюрократа, которого со скрипом пропустили, руководствуясь сами различными соображениями и соблюдая принцип «да сойдет и так», теперь назначили руководить теми преподавателями и научными сотрудниками, которые «изобрели» данного коллегу. И как Вы думаете — этот руководитель будет руководствоваться научной истиной?

Небезгрешны и сами научные коллективы. Ведь многие в социологию в 1960–1970-е гг. пришли из других наук по зову души, приложили максимум усилий, чтобы постичь мастерство новой науки. Они упорно трудились и многого достигли. Но в 1990-е гг. в социологию ринулся поток тех, кто преподавал истмат, научный коммунизм, историю КПСС. Ведь имеющиеся силы куда-то надо было девать. Так как Вы думаете, будет ли качество у этих новообращенных специалистов?

Ю.М.: Следуя Вашему подходу, можно квалифицировать как парадоксальную ситуацию с профессиональными сообществами (ассоциациями) России. Вы настаиваете на том, что российскому человеку, а значит и социологу, присуще чувство центризма в политическом сознании. Но пока перспектива утверждения центризма далека от реализации. Центризм не присущ и социологическому сообществу, в котором можно условно выделить «правое», пролиберальное, крыло и «левое», прокоммунистическое, крыло. Но центристское движение ему не присуще. Нет пока предпосылок интеграции профессиональных ассоциаций в единое национальное сообщество, представляющее интересы социологов России на международной арене. Не справляется с этой миссией и РОС — преемник ССА. Как Вы оцениваете данную ситуацию?

Ж.Т.: В Вашем вопросе содержатся два вопроса, но которые связаны между собой. Что касается центризма, то, вероятно, Вы не так поняли мои размышления о нем. А они сводятся к тому, что существует реальный парадокс — все ратуют за центризм, ссылаются на него, провозглашают себя его сторонниками, славословят ему, а на самом деле нет никакого центризма. Это просто лозунг, зная, под которым практически все политические, а в широком смысле все общественные, силы пытаются проташить свои идеи, свое понимание и свое представление об устройстве то ли всего общества, то ли его сфер, явлений, процессов. Поэтому на политической арене царит не согласование интересов, а ожесточенная борьба за власть.

Точно такая же ситуация и в российском сообществе социологов: все клянутся, что они за единство наших рядов, за совместную дружную жизнь, но когда доходят до дела, до практических действий — то куда исчезают эти призывы? Я являюсь сторонником того, что, признавая раскол социологического сообщества как реальность, от которой никуда не уйти, все же необходимо предпринимать меры по сплочению этого сообщества, чтобы, постепенно сближая позиции, выйти на будущее объединение, независимо от различных мировоззренческих позиций. Залогом, мне кажется, является тот факт, что все основные мероприятия, посвященные 50-летию Советской социологической ассоциации и 40-летию Института социологии РАН, были проведены под флагом всех социологических сообществ России, когда на них были пред-

ставлены все группы социологов, несмотря на их различные социальные и политические позиции. И хотелось бы верить, что эта тенденция на сближение сохранится.

Ю.М.: *Ваша типология интеллигенции (хищники, мародеры, мутанты, хамелеоны, инфантилы, холуи, демагоги, «новые диссиденты» и пр.) свидетельствует о явно негативном отношении к ней. Не кажется ли Вам, что Вы примкнули к числу хулителей интеллигенции, включив в ее состав перерожденцев и аутсайдеров, вместо того чтобы найти позитивные и жизнеутверждающие черты новой российской интеллигенции? Не слишком ли поспешно Вы вслед за другими авторами увидели альтернативу интеллигенции в лице интеллектуалов? Моя позиция по этому вопросу изложена в статье, которую я Вам переслал для ознакомления (см. прим. 1). Так кто же такие социологи – часть научной интеллигенции или отряд интеллектуалов от науки?*

Ж.Т.: Здесь тоже кроется некоторое недопонимание моей позиции. Я как раз являюсь сторонником без всяких условностей того, что российская интеллигенция была, есть и будет. Я категорически против тех утверждений, что интеллигенция вытесняется интеллектуалами на западный манер, что пришло время, когда о ней говорить бессмысленно. Но это не исключает моего утверждения, что эта же интеллигенция в период коренной ломки общественного устройства породила многие фантомы, некие протурберанцы сознания и поведения, которые являются своеобразными проявлениями парадоксальности поведения части людей называющих себя интеллектуалами. И среди социологов есть немалое количество людей которые в самом высоком смысле олицетворяют черты российской интеллигенции, но есть и такие (и немало), которые торгуют совестью, знаниями, а то и просто являются лицами, которые выставляют все на продажу. Я не говорю уже о тех, кто является псевдосоциологами, обилие которых впечатляет, особенно в выборные кампании.

Ю.М.: *Другой парадокс Вы связываете с феноменом образования, различия между собой образовательной культуры и «образованщины». Вы пишете о функциональной неграмотности, «за которой скрываются полужнание, эрзац-знание, ложное знание или знание-фантом» (см. прим. 2). Парадокс же Вы видите в том, что «грамотный человек больше не удовлетворен окружающим миром, тогда как неграмотный человек «непритязателен», живет в «гармонии» с окружающей средой...» (см. прим. 3). Но ведь подобная ситуация характерна и для социологического сообщества. Многие из выпускников наших вузов получают диплом социолога, не владея элементарными знаниями и навыками. Функциональная неграмотность и профессиональная некомпетентность присущи и «взрослым» специалистам, работающим на социологическом поприще. С чем Вы связываете увеличение числа профессионально некомпетентных социологов?*

Ж.Т.: Частично я ответил на этот вопрос выше. Это я бы связал (если рассматривать подготовку молодежи) с крупными недостатками в их обучении. Я считаю, что настоящий социолог должен базироваться на четырех постулатах: а) на обширной добротной общегуманитарной подготовке, на серьезном и глубоком знании истории, философии, экономики, права, психологии, а также культурологии и политологии; б) на продуманной и глубокой профессиональной подготовке, включающей в себя прежде всего знание основ социологии, истории социологии и особенно методологию и методы социологических исследований; в) очень обстоятельной математической подготовке (на нашем факультете на трех первых курсах около трети времени уходит на математические предметы); г) знании иностранных языков (желательно как минимум двух).

А знакомство с многими учебными планами коллег на других факультетах позволяет утверждать: где то игнорируют общегуманитарную и общекультурную базу подготовки, где-то сводят к минимуму обучение математическим методам, но не уделяют должного внимания знанию иностранных языков, и как следствие — знанию того, что творится в мировой социологии. Именно игнорирование этих требований порождает функциональную неграмотность и, как следствие, профессиональную некомпетентность. И такой специалист, выпущенный в начале 1990-х гг., в конце 2000-х гг. выступает уже «матерым» специалистом, но его сущность и его уровень подготовки остается прежними. А если добавить огромную массу представителей других наук, по объективным обстоятельствам влившихся в ряды социологов (об этом я говорил выше), но так и не озаботившихся приобретением соответствующего знания, то чего следует от них ожидать, кроме начетничества и профанации?

О личных парадоксах

Ю.М.: Теперь обратимся к парадоксам Вашей собственной жизни и профессиональной деятельности. Вы — известный социолог, главный редактор журнала, декан факультета социологии, автор многих монографий и учебников. Как Вам удастся совмещать различные жанры социологической деятельности? И чем Вам больше всего нравится заниматься?

Ж.Т.: Все виды моей деятельности мне в той или иной мере нравятся, иначе я не стал бы той или иной работой заниматься. Каждая из этих граней моей занятости приносит мне удовлетворение, потому что она отвечает тем или иным моим потребностям. Так, будучи главным редактором журнала, я лыщу себя надеждой, что, может, я, как никто другой, соприкасаюсь с таким огромным количеством материала, над которым трудятся сейчас социологи России. Мне кажется, что благодаря этой работе я знаю, что творится на многих кафедрах, факультетах, в научных организациях, исследовательских центрах, в том числе и коммерческих, тем более, что я читаю (наряду с редакторами журнала) всю поступающую корреспонденцию.

Что касается моей деканской обязанности, то я выполняю одну из функций организации учебного процесса и тем самым направляю внимание будущих социологов на то, чтобы они стали настоящими профессионалами. К личной заслуге я отношу и то, что, начиная со второй редакции специальностей по социологии в ВАКе, их градация (их наименование) была сформирована при моем участии и поныне остается практически неизменной.

Ю.М.: Внешне Вы производите впечатление толерантного человека, признающего иные точки зрения и позиции. О Вас хорошо отзываются коллеги и ученики. Но есть моменты, когда Вы не можете переступить свои принципы и убеждения. Где находится предел Вашей терпимости и доверия к людям?

Ж.Т.: Да, есть такие пределы. Я, во-первых, не прощаю подлости в любом ее виде. Во-вторых, мне претит тот факт, когда мою страну называют «эта страна». В-третьих, я стремлюсь быть непреодолимым препятствием для вопиющей неграмотности в делах социологии, что породило немало недоброжелателей, хотя к писаниям молодежи, к поискам коллег из городов, в которых узок круг специалистов, я стараюсь относиться максимально терпеливо, всячески помогая представить достойное произведение.

Ю.М.: *Где, в какой позиции Вы себя более уверенно чувствуете:*

– лектором и профессором университета или руководителем кафедры, деканом факультета?

– автором журнала или его главным редактором?

– разработчиком новой теоретической концепции или автором социологической методики?

– в президиуме РАН, на заседании секции или в профессиональном социологическом сообществе?

Ж.Т.: Первый вопрос. Я не стал бы противопоставлять обязанности профессора, заведующего кафедрой и декана. У каждой из этих должностей есть свои особые функции, которые достаточно самостоятельны. Есть и нюансы моего личного отношения к ним. Быть профессором – это отвечать на личные интересы, а быть деканом – соответствовать общественным интересам. А это значит – тратить время на многие вещи, которые лично ничего не приносят, более того, отнимают дорогое время, но выполнение этих обязанностей – это ответственность перед теми, кто согласился работать со мной, а также перед теми, кого я вместе с коллегами хочу отправить в долгое жизненное плавание.

Ответ на второй вопрос: как автор, я не согласен и готов оспаривать от одной трети до 40% материалов, публикуемых в журнале. Но как главный редактор, я даю им жизнь, если у них есть своя система доказательств, своя аргументация, своя по-своему убедительная логика. Поэтому на вопрос или возмущение кого-то из читателей: «Зачем Вы поместили ту или иную статью?» – я реагирую всегда одинаково: «Если Вам это кажется ошибочным, неприемлемым, пишите свою статью, и мы ее опубликуем». Я глубоко убежден, что не монополия, а постоянная дискуссия, обмен мнениями, критика являются действительными средствами развития научного знания.

Ответ на третий вопрос: в 1970–1980-е гг. я, пожалуй, больше гордился социологическими методиками, которые вначале были ответом на злободневные проблемы производства. И особое значение я придавал не тому, как отзывались о них коллеги (хотя я с уважением всегда выслушивал советы и рекомендации), а реакции моих непосредственных заказчиков – директоров заводов, руководителей крупных производств. Особенно приятно было, когда завершалось исследование и выдавались рекомендации, что нужно делать, слышать от директора завода следующие слова: «Спасибо за работу. Теперь давайте подумаем, какое исследование нам бы еще провести на нашем предприятии, какую еще задачу решить».

С конца 1980-х гг. я почувствовал тягу к теоретическим обобщениям – к новой трактовке предмета социологии, к открытию новых граней в общественном сознании и социальной практике (сейчас по этой теме я получил грант Президента РФ в рамках проекта по поддержке ведущих научных школ). Хочу только подчеркнуть, что все мои теоретические поиски базируются не на умозрительных схемах, а на огромном эмпирическом материале, полученном мною или моими коллегами во многих исследовательских центрах, за результатами которых я внимательно слежу.

И наконец, четвертый вопрос: лучше всего я чувствую тогда, когда на всех этих встречах, во всех этих организациях обсуждаются творческие вопросы, которые имеют прямое отношение к науке и (особенная радость) к тем проблемам, которыми ты занимаешься и которыми ты увлечен. Но на этих заседаниях нередко анализируются и обсуждаются организационные, текущие вопросы, которые не возбуждают у

меня энтузиазма. Я хочу быть рядовым исследователем, тем более что организационные посты в виде вице-президента и сопрезидента Советской социологической ассоциации, видные посты в обществе «Знание» и многих других организациях уже были в моей жизни, и к ним я не хочу возвращаться.

Ю.М.: *Какую из научных работ Вы планируете написать в ближайшее время?*

Ж.Т.: Сейчас я интенсивно работаю над монографией «Кентавр-проблема» (название условное). На эту проблему я вышел, анализируя проблемы парадоксов, и поэтому кентавристика мне кажется дальнейшей разработкой интересующей меня проблемы.

А закончить я хочу тем, что я сказал в начале интервью: льщу себя надеждой, что я остался верен тому, с чего начинал жизнь и чего хотел добиться, — служить людям, обществу своими знаниями, своими находками, своими выводами и рекомендациями, направленными на то, чтобы людям жилось лучше.

Ю.М.: *Жан Терентьевич! Огромное спасибо за Ваши интересные ответы.*

Примечания

1. См.: Резник Ю.М. Социальная теория и общество: гражданская миссия и ответственность интеллектуалов // Личность. Культура. Общество. Т. 8. Вып. 1 (29). С. 60-79.
2. См.: Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М., 2001. С. 328.
3. Там же. С. 329.